

С точки зрения экономики

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-3

Требования к внешнеэкономическим связям в контексте достижения целей развития российской экономики

Александр Александрович ШИРОВ

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, директор
Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, 117418, Нахимовский
проспект, д. 47, Москва, Российская Федерация
E-mail: schir@ecfor.ru
ORCID 0000-0003-0806-9777

Михаил Сергеевич ГУСЕВ

кандидат экономических наук, заведующий лабораторией
Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, 117418, Нахимовский
проспект, д. 47, Москва, Российская Федерация
E-mail: m.gusef@mail.ru
ORCID 0000-0002-8858-2206

ЦИТИРОВАНИЕ: Широв А.А., Гусев М.С. (2021). Требования к внешнеэкономическим связям в контексте достижения целей развития российской экономики // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 3. С. 44–62. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-3

Статья поступила в редакцию 09.03.2021.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется текущее состояние российской внешней торговли и ее влияние на развитие экономики. Рассматриваются основные изменения, которые произошли в мировой экономике в период кризиса, вызванного пандемией нового коронавируса. Делается вывод, что большинство тенденций, сформировавшихся в мировой экономике перед кризисом, скорее всего получат дополнительное ускорение после его окончания. В связи с этим для традиционных товаров российского экспорта могут сформироваться дополнительные ограничения. Констатируется, что внешняя торговля должна стать одним из ключевых факторов,

обеспечивающих устойчивость российской экономики в средне- и долгосрочной перспективе. Определяются требования к платежному балансу и валютному курсу, обеспечивающие устойчивость макроэкономической динамики и параметров внешней торговли. При текущих тенденциях изменения параметров мировой экономики и торговли следует исходить из того, что в течение ближайших 15 лет структура российского экспорта не претерпит существенных изменений. Это означает, что на ближайшие 15 лет развитие экспортного потенциала ТЭК, диверсификация географии поставок энергоресурсов остается одной из ключевых задач

внешнеэкономической стратегии. Оцениваются ключевые ограничения развития интеграционных процессов на пространстве Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: внешняя торговля, экономический рост, курс рубля, платежный баланс, ЕАЭС.

Введение

Последнее десятилетие развития российской экономики характеризовалось достаточно низкими темпами экономического роста и снижением темпов роста потенциального выпуска [Орлова, Белоусов, Галимов, 2020]. Среди прочих негативных последствий замедление темпов экономического роста привело к достаточно существенному нарастанию отставания нашей страны

от развитых экономик мира и общему ухудшению конкурентоспособности России в мировой экономике.

Даже с учетом того, что Россия понесла относительно меньше экономических потерь по сравнению с большинством крупных экономик мира в условиях пандемии нового коронавируса, отставание в экономическом развитии, накопившееся в период после глобального кризиса 2008–2009 гг., остается достаточно сильным.

Часто замедление темпов экономического роста связывается с санкциями, которые были наложены на Россию после 2014 г. [Гурвич, Прилепский, 2016]. С этим можно согласиться, так как риски внешнего давления заставили формировать определенные защитные механизмы и дополнительные объемы резервов, но лишь отчасти.

Не менее значительным фактором снижения темпов роста стало исчерпа-

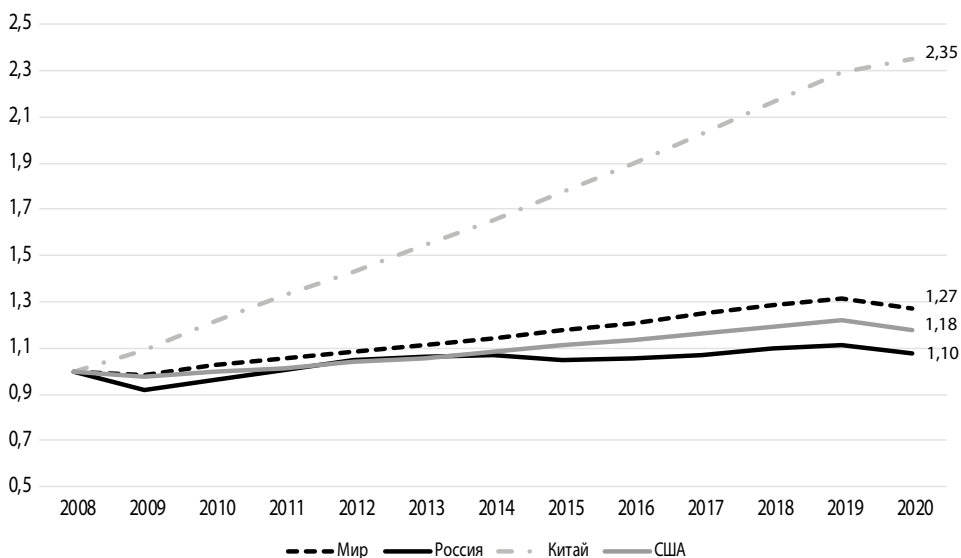

Рис. 1. Динамика ВВП, 2008 г. = 1

Figure 1. GDP dynamics, 2008 = 1

Источник: Всемирный банк, МВФ.

ние возможностей российских сырьевых секторов по наращиванию объема доходов, которые могли бы перераспределяться внутри российской экономики. С учетом высокой зависимости от импорта это стало причиной перехода всей экономической системы в режим стагнации. При этом государство, решавшее вопрос финансовой устойчивости экономики в условиях санкций, было не готово активно поддерживать рост за счет использования накопленных резервов.

К другим факторам замедления экономического роста после 2014 г. можно отнести снижение вклада прироста трудовых ресурсов в экономическую динамику и замедление темпов роста производительности труда из-за существенного замедления инвестиционной активности [Орлова, Белоусов, Галимов, 2020].

2020 г. стал существенным испытанием для всей мировой экономической системы. Он поставил под вопрос казавшиеся незыблемыми принципы свободной торговли, передвижения граждан и другие фундаментальные основы современной мировой экономической системы. При этом первые открытые действия по пересмотру рыночных свобод в масштабах всей мировой экономики были предприняты США еще в 2018 г. с развязыванием торговых войн.

Для российской экономики прошедший год характеризовался существенным положительным вкладом фактора чистого экспорта в формирование экономической динамики. При общем снижении ВВП на 3,1%, чистый экспорт обеспечил 2 проц. п. положительного вклада в экономическую динамику, что позволило, например, полностью компенсировать негативный вклад в ВВП такого важного элемента, как инвестиции (-1,4 проц. п.).

Как показывает анализ, спрос на сырьевую продукцию российских экспор-

теров в мире снижался медленнее, чем на товары конечного потребления. Такая динамика, характерная и для предыдущих экономических кризисов, позволяет рассматривать российский сырьевой экспорт как основу макроэкономической стабильности как минимум в среднесрочной перспективе. Однако этого недостаточно для устойчивого роста. Требуются другие факторы, которые позволят обеспечить российской экономике более высокую динамику. При этом очевидно, что без увеличения доходов от внешнеэкономической деятельности решить эту задачу не представляется возможным.

По нашим оценкам, экономическая инерция, определяемая качеством производственного потенциала, демографическими тенденциями и структурными особенностями российской экономики, позволяет обеспечить в среднесрочной перспективе темпы экономического роста не выше 1,6–1,8% [Широв, 2020]. Таких темпов экономического роста будет недостаточно для того, чтобы решить задачу модернизации экономики, повышения уровня и качества жизни населения. Более того, такие темпы экономического роста будут способствовать ухудшению конкурентоспособности нашей экономики в мире.

Сценарные оценки, предполагающие использование имеющегося потенциала роста, говорят о том, что в период 2021–2025 гг. достижимыми являются среднегодовые темпы экономического роста в 3,0–3,2% [Широв, 2020].

Такая динамика становится возможной при использовании потенциала внутреннего рынка. Не менее 0,6 проц. п. дополнительного прироста ВВП обеспечивается потреблением домашних хозяйств и еще 0,4 проц. п. за счет наращивания инвестиций в основной капитал. Кроме того, за счет активной бюджетной политики вклад государ-

ственного потребления в экономическую динамику составит еще 0,3 проц. п. Однако даже активное задействование потенциала внутреннего спроса дает возможность увеличить среднегодовые темпы роста с 1,6 до 2,9%. Однако рост нормы накопления в структуре ВВП до 25% неизбежно приведет к росту технологического импорта. В рамках описанного сценария ускорения темпов роста ВВП это означает вычет из экономического роста примерно 0,2 проц. п. Для его компенсации необходим положительный вклад в экономическую динамику экспорта на уровне 0,2–0,3 проц. п. Этот простой иллюстративный счет показывает те требования, которые возникают к внешнеэкономической динамике в среднесрочной перспективе.

Наряду с основными целями и задачами национального развития требования к наращиванию экспорта зафиксированы в Указе Президента РФ о национальных целях развития России до 2030 г.¹ В частности, установлен целевой ориентир по наращиванию экспорта несырьевых неэнергетических товаров на 70% к 2030 г. относительно 2020 г.

Пандемия коронавируса и глобальные вызовы

Пандемия COVID-19 спровоцировала наступление глобального социально-экономического кризиса, который превосходит по глубине экономического спада все кризисы в период после окончания Второй мировой войны.

Истинный масштаб и последствия пандемии станут ясны только после ее окончания. Тем не менее уже сейчас можно сформулировать и попытаться

ответить на ряд вопросов, проясняющих природу и развитие текущего кризиса, что в конечном счете будет способствовать выработке эффективной социально-экономической политики, соответствующей новым глобальным вызовам.

До сих пор ни одна из пандемий в послевоенный период не спровоцировала кризис мировой экономики. В этой связи актуальной становится задача по оценке того, как пандемия нового коронавируса изменила мировую экономику. Для ответа на данный вопрос следует рассмотреть влияние пандемии на ключевые тренды глобального развития: глобализацию; скорость технологического развития; долгосрочные темпы роста; накопление долгов; изменение структуры мирового энергобаланса.

Судя по торговым войнам 2018–2019 гг., динамике внешней торговли и характеристикам глобальных цепочек создания стоимости, глобализация сильно замедлилась и сложились все предпосылки для разворота этой тенденции, под влиянием которой формировалась экономическая динамика в мире на протяжении последних десятилетий [Constantinescu, Mattoo, Ruta, 2015].

Увеличение зависимости развитых стран от импорта промышленной продукции, в том числе высокотехнологичной, дисбалансы во внешней торговле и растущее социальное неравенство наряду с финансовыми ограничениями глобального характера заставили крупнейшие развитые страны отойти от следования идеям свободной конкуренции в международной торговле, что можно, например, проследить в политике США относительно импорта стали и алюминия [The Effect of Imports of Steel on the National Security, 2018]. На

¹ Указ Президента Российской Федерации о национальных целях развития России до 2030 г. от 21 июня 2020 г.

практике это выразилось в росте государственного протекционизма, стремлении обеспечить конкурентоспособность национальных производителей за счет заниженного валютного курса, ограничений на импорт товаров, различного рода санкций.

Дальнейшее углубление глобализации натолкнулось на ограничения фундаментального характера, главным из которых является неготовность развитых стран (по ряду причин: от потери рабочих мест и подрыва производственного потенциала базовых отраслей реального сектора до потери позиций на рынках высокотехнологичной продукции) отдавать все большую долю внутреннего рынка зарубежным производителям (в особенности наукоемкой продукции) [Гусев и др., 2018].

Пандемия нанесла очередной удар по глобализации, так как в условиях частичного закрытия рынков и сокращения внешнего спроса страны стараются стать менее зависимыми от импортных поставок, по крайней мере там, где это возможно. Таким образом, пандемия стала акселератором уже фактически сложившейся тенденции на деглобализацию.

На протяжении последних десятилетий наблюдалось бурное развитие цифровой экономики, и пандемия нового коронавируса лишь усилила потребность в новых технологиях и простимулировала развитие цифровой экономики по многим направлениям – от технологий дистанционного взаимодействия (медицина, образование, управление производством) до технологий социального контроля. Акции технологических компаний даже в период самого масштабного мирового кризиса со времен Великой депрессии по итогам 2020 г. продемонстрируют значительный рост, существенно опережая динамику капитализации компаний из других секторов эконо-

мики. Приток дешевого капитала будет стимулировать инновационную активность. Если риск дальнейших пандемий будет закладываться инвесторами, то это ускорит автоматизацию труда. В результате в отношении технологического развития пандемия также выступает акселератором тенденций, сложившихся до 2020 г.

Тенденции накопления глобального долга (по отношению к ВВП) уже несколько десятков лет. Перед кризисом 2020 г. в мировой экономике уже наблюдались признаки перекредитованности во многих развитых и развивающихся экономиках. Как указывает Мировой банк [Kose et al., 2020], доля стран со средним и низким уровнем доходов и государственным долгом, не превышающим 30% валового национального дохода, сократилась с 42% в 2007 г. до 25% в 2018 г. Масштабные бюджетные и монетарные стимулы, направленные на предотвращение последствий борьбы с пандемией по всему миру, только ускорили динамику накопления долга и привели к обнулению процентных ставок центробанками развитых стран. Из текущего кризиса многие развитые страны выйдут с отношением государственного долга к ВВП, превышающим 100% с достаточно неопределенными перспективами относительно снижения долговой нагрузки. Таким образом, и в случае с тенденцией наращивания долговой нагрузки пандемия только ускорила те тренды, которые наблюдались как минимум все последние десятилетия.

Долгосрочные прогнозы, которые публиковались до 2020 г., демонстрировали тенденцию к замедлению мировой экономической динамики в долгосрочной перспективе [The Long View..., 2018] главным образом под влиянием демографических факторов и окончания второй индустриализации в развивающихся странах. Вряд ли пандемия мо-

жет способствовать переводу мировой экономики в режим повышенных темпов роста. Скорее наоборот, дополнительные ограничения роста, обусловленные текущим кризисом, приведут к замедлению темпов в будущем относительно прежних прогнозов.

Пандемия привела к существенно-му снижению глобального спроса на энергоресурсы. Кроме того, агрессивная климатическая политика стран ЕС приводит к тому, что ряд долгосрочных прогнозов [BP Energy Outlook., 2020] исходит из гипотезы значительного роста в структуре мирового энергобаланса возобновляемых источников энергии. Учитывая установки энергетической политики ряда стран снизить долю углеводородов в энергобалансе, вполне вероятно, что пик глобального спроса на углеводороды сейчас стал ближе, чем это ожидалось ранее.

Климатическая политика рассматривается рядом стран как инструмент дополнительных структурных сдвигов, который может придать ускорение темпам экономического роста за счет реализации технологической ренты, перераспределения доходов и создания конкурентных преимуществ на отдельных рынках. В первую очередь так действуют страны, обладающие соответствующими технологиями. Продвигаемая ими климатическая повестка в среднесрочной перспективе преследует экономические цели и уже затем решает задачи по позитивным изменениям климата [Порфирьев, 2019].

Агрессивное продвижение концепции углеродной нейтральности со стороны Европейского союза (ЕС) предполагает перекладывание издержек европейского бизнеса на внешних игроков, прежде всего осуществляющих экспорт своей продукции в ЕС. Одним из средств для решения этой задачи выступает трансграничное углеродное регулирование (ТУР).

По нашим оценкам, при текущей стоимости тонны CO₂ в размере 25 евро потери российских экспортеров в условиях 2021 г. могли бы составлять до 4 млрд евро в случае обложения прямых выбросов при производстве российских товаров, экспортируемых в ЕС [Порфирьев, Широв, Колпаков, 2020].

После возвращения США в Парижское соглашение агрессивные тенденции в климатической политике могут получить новый импульс. В результате климатическая политика становится одним из ключевых нетарифных барьеров в торговле, оказывающим непосредственное воздействие на параметры внешней торговли и экономическую динамику в нашей стране.

Таким образом, пандемия COVID-19 способствовала ускорению ключевых тенденций глобального развития, сложившихся до 2020 г. Это означает, что отличие мира после пандемии нового коронавируса от мира «до» по крайней мере в перспективе до 10 лет будет заключаться главным образом в скорости происходящих изменений. Мировая экономика будет меняться быстрее, но по «старым» направлениям, сложившимся до кризиса 2020 г.

Если гипотеза о роли акселератора в отношении текущей пандемии верна, тогда следует исходить из того, что ключевые тенденции развития мировой экономики сохранятся, но скорость изменений в этой сфере возрастет. Это будет формировать новые вызовы для российской экономики и предъявлять новые требования к вкладу в экономическую динамику со стороны внешней торговли.

В конечном счете данные вызовы сводятся к ужесточению требований по сокращению существующего отставания России от развитых стран и Китая в научно-технологической сфере [Алюкин и др., 2015].

Внешняя торговля и курс рубля

В современном мире тарифные ограничения внешней торговли играют все меньшую роль в трансграничном движении товаров. На этом фоне возрастает значение нетарифных мер в торговле. При этом одним из важнейших факторов, формирующих защиту внутренних рынков от нежелательных потоков импорта, остается валютный курс. Однако использование курсового фактора для регулирования внешней торговли требует определенного искусства. Избыточно слабый курс национальной валюты может стать препятствием для развития производств, использующих импортные компоненты или осуществляющих модернизацию за счет импортного оборудования и технологий. Напротив, крепкий курс

может препятствовать развитию внутренних производств на фоне конкуренции с импортной продукцией. Приемлемый курс валюты, особенно в условиях его свободного рыночного образования, во многом зависит от сложившихся пропорций торгового баланса.

В российском экспорте доля энергии, сырья и продукции первичных переделов традиционно высока. С 1996 г. (с этого года данные таможенной статистики о внешней торговле товарами стали формироваться в электронном виде) по 2014 г. доля сырьевых товаров в экспорте товаров увеличивалась с 68 до 81% (рис. 2). За тот же период доля энергоресурсов в экспорте товаров возросла с 42 до 69%.

В 2015–2020 гг. из-за падения мировых цен на сырьевые товары и сокра-

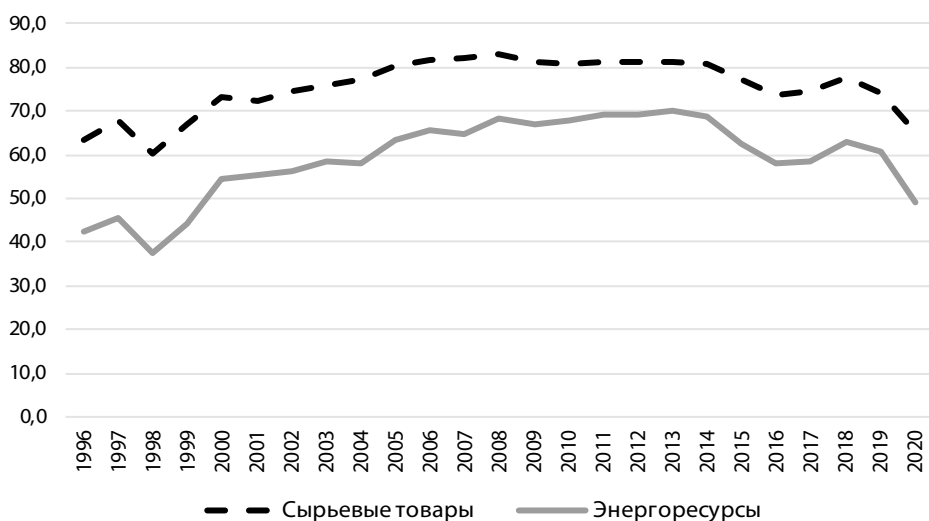

Рис. 2. Доля сырьевых товаров и энергоресурсов в российском экспорте товаров (в стоимостном выражении)

Figure 2. Share of commodities and energy resources in Russian exports in goods (in value terms)

Источник: данные ЦБ, ФТС, расчеты ИНП РАН.

Примечание. Сырьевые товары: углеводороды, минеральные удобрения, древесина и лесоматериалы, черные и цветные металлы, зерно.

щения мирового спроса в результате пандемии коронавируса их доля в экспорте сократилась до 65%. Вместе с тем, учитывая восстановление спроса и мировых цен на нефть, металлы и другие сырьевые товары в 2021 г., стоит ожидать постепенного восстановления значимости первичного сырья и углеводородов в российском экспорте.

Если рассматривать стоимостные объемы, то в 2020 г. экспорт сырьевых товаров составил 215 млрд долл., в том числе – экспорт углеводородов 161 млрд долл. Экспорт нессырьевых товаров составил 115 млрд долл., из которых 13 млрд долл. пришлось на вооружения и военную технику.

Расчеты внешнего спроса на сырьевые товары, учитывающие темпы экономического роста стран-партнеров, динамику материалоемкости, показывают, что в долгосрочной перспективе физический объем потребления сы-

рьевых товаров будет увеличиваться не более чем на 2% в год. Физический объем экспорта нессырьевых товаров, с учетом перспективной динамики конечного спроса стран – торговых партнеров, имеет потенциал роста до 4,5% в год. При этом предполагается, что экспорт вооружений и военной техники (12–15% от нессырьевого экспорта) будет расти темпом не выше 2% в год.

Даже в сценарии сохранения относительно низких цен на нефть в 65 долл. за барр. (в текущих ценах) до конца 2035 г. структура российского экспорта товаров изменится незначительно (рис. 3).

При реализации гипотезы сохранения относительно низких цен на углеводороды доля сырьевых товаров в экспорте сократится с 74% в 2019 г. до 63% в 2035 г. Доля углеводородов в российском экспорте снизится за рассматриваемый период с 61 до 47%.

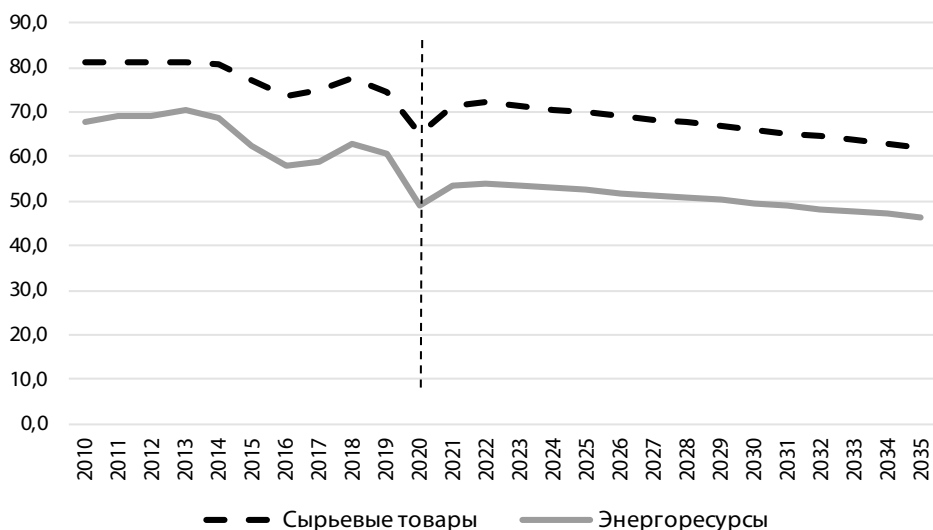

Рис. 3. Изменение структуры российского экспорта товаров (в стоимостном выражении)
Figure 3. Changes in the structure of Russian exports in goods (in value terms)

Источник: данные ЦБ, ФТС, расчеты ИНП РАН.

Данные оценки показывают, что роль энергосырьевого сектора в формировании экспорта, счета текущих операций платежного баланса и стабильности финансовой системы в целом будет оставаться исключительно высокой.

Реализация конструктивного сценария долгосрочного развития, предполагающая выход на среднегодовые темпы экономического роста выше 3,0% и их удержание на длительном интервале, повлечет за собой неизбежный рост спроса на импортные товары. Особенно остро проблема с ростом импорта будет стоять на первом этапе реализации долгосрочной стратегии развития, так как модернизация производственной базы промышленности и других секторов экономики неизбежно приведет к росту спроса на импортное оборудование.

Если потребности в импорте не смогут быть покрыты за счет поступления валютной выручки от экспорта (рассчитывать на значимый приток прямых инвестиций из-за рубежа в условиях санкций не приходится), это приведет либо к дестабилизации валютного рынка и обесценению рубля, либо к недостаточному предложению импортного оборудования на внутреннем рынке. В любом случае недостаточные объемы экспорта будут оказывать негативное влияние на экономическую динамику. Таким образом, стратегической задачей развития внешней торговли является обеспечение достаточности валютных поступлений от экспорта для обеспечения стабильности обменного курса и обновления активной части производственных фондов в экономике, в том числе за счет импорта.

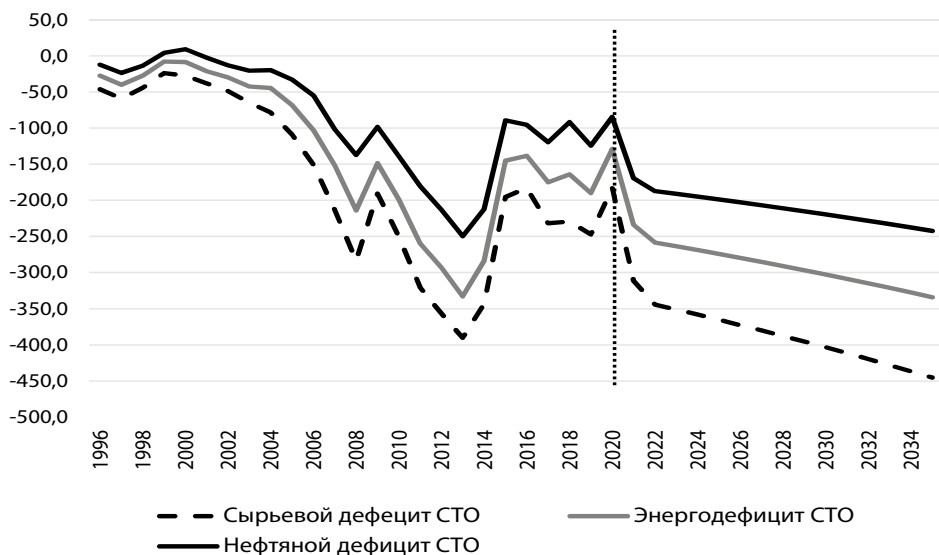

Рис. 4. Зависимость счета текущих операций от экспорта сырья, млрд долл. (сальдо счета текущих операция за вычетом экспорта сырьевых товаров)

Figure 4. Dependence of the current account on the export of raw materials, USD billion (current account balance, net of commodity exports)

Источник: данные ЦБ, ФТС, расчеты ИНП РАН.

При всей важности развития несырьевого экспорта, он сможет достичь существенных объемов, которые бы перевесили влияние экспорта сырьевых товаров, только за пределами 2035–2040 гг. Это означает, что на ближайшие 15 лет развитие экспортного потенциала ТЭК, диверсификация географии поставок энергоресурсов остается одной из ключевых задач внешнеэкономической стратегии (см. рис. 4).

Необходимо отметить, что политика в отношении импорта не менее важна, чем развитие экспорта. Даже в сценарии роста сырьевого экспорта в среднем на 2% в год в российской экономике будет формироваться девальвационный потенциал. В период 2030–2035 гг. для сохранения нулевого или слабоположительного сальдо счета текущих операций необходима будет корректировка стоимости рубля.

Основным фактором снижения рисков обесценения рубля является нормализация присутствия импорта на внутреннем рынке. Даже в условиях сохранения сырьевого экспорта в ближайшие 15 лет на уровне 2021 г. снижение доли импорта на внутреннем рынке на 30% к 2035 г. обеспечит удержание курса рубля ниже отметки в 70 руб. за долл. (см. рис. 5).

Анализ изменения пропорций импорта во внутреннем потреблении позволяет говорить о том, что в российской экономике сформировалась устойчивая зависимость от ввозимой продукции (табл. 1), но при этом также прослеживается достаточно высокая эластичность уровня импорта в потреблении от колебаний курса рубля.

Можно отметить, что в периоды существенного ослабления курса, например в 2015 г., доля импорта в

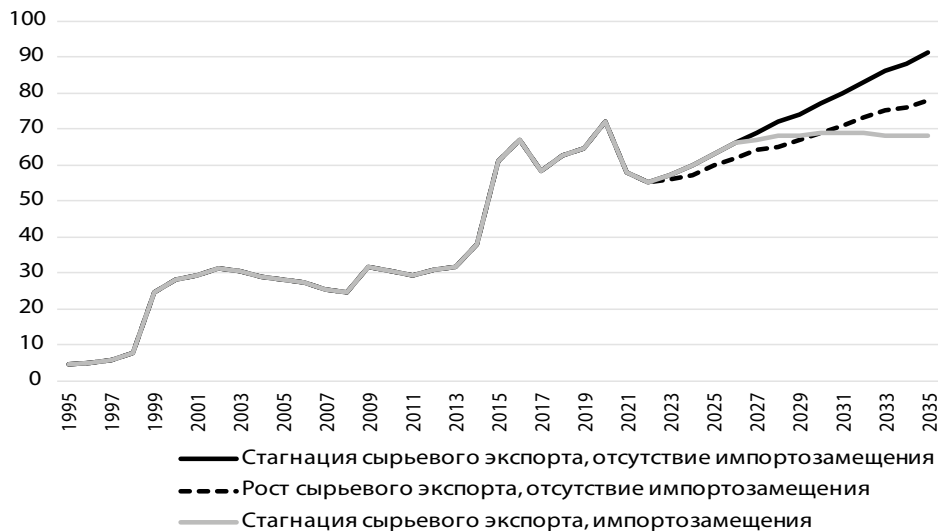

Рис. 5. Курс рубля (руб. за долл.), обеспечивающий нулевое сальдо счета текущих операций в различных сценариях

Figure 5. The ruble exchange rate (ruble / USD) that provides a zero current account balance in various scenarios

Источник: данные ЦБ, расчеты ИМП РАН.

потреблении по большинству значимых позиций снижалась, но затем, по мере стабилизации в экономике и на валютном рынке импорт вновь восстанавливал свои позиции. Исключением являлись те виды деятельности, где реализовывались масштабные программы импортозамещения.

Изменение курса рубля, безусловно, оказывает важное стабилизирующее влияние на состояние торгового баланса и экономическую динамику. В то же время перманентное ослабление курса является не чем иным, как фактором сдерживания внутреннего спроса, как потребительского, так и инвестиционного. В связи с этим наиболее действенным направлением снижения зависимости экономики от курсовых колебаний и импорта является преодоление технологического отставания нашей страны в базовых технологиях производства, используемых в реаль-

ном секторе. В этом случае рост доходов бизнеса и государства будет реализовываться за счет отечественных производителей, создавая благоприятные условия для формирования платежного баланса.

Взаимодействия в ЕАЭС

Одним из важных направлений интенсификации вклада внешнеэкономической деятельности на развитие экономики могут стать интеграционные процессы на постсоветском пространстве.

В условиях нарастания тенденций регионализации для Евразийского экономического союза (ЕАЭС) увеличиваются риски, связанные с ухудшением конкурентоспособности интеграционного объединения. Наиболее существенные из них связаны с нарастанием центробежных тенденций, при которых

Таблица 1. Зависимость от импорта в российской экономике, в % от потребления
Table 1. Dependence on imports in the Russian economy, % of consumption

	2013 г.	2015 г.	2018 г.	2013 г.	2015 г.	2018 г.
	в целом по экономике			домашних хозяйств		
Продукция и услуги сельского хозяйства и охоты	10.4	10.0	10.3	20.6	19.6	21.2
Продукты пищевые и напитки	10.8	11.0	7.1	17.3	13.8	17.8
Вещества химические, продукты химические	25.8	24.5	22.9	68.6	59.6	58.4
Изделия резиновые и полимерные	25.2	23.9	25.1	46.7	43.3	55.5
Машины и оборудование	41.1	40.1	51.9	63.4	56.9	57.8
Электрические машины и электрооборудование	34.6	31.2	36.6	60.8	57.4	76.7
Компоненты электронные; аппаратура для радио, телевидения и связи	40.3	41.7	44.0	64.2	99.3	86.3
Автотранспортные средства, прицепы и полуприцепы	34.3	28.6	30.0	44.3	41.9	30.8

Источник: таблицы «затраты–выпуск» Росстата, расчеты ИНП РАН.

страны будут предпочитать выстраивать двусторонние отношения с внешним окружением, минуя институты ЕАЭС. Противопоставить этому можно только расширение интеграционных связей, формирующее дополнительные доходы для всех стран-участниц.

До настоящего момента остается нереализованным потенциал развития сотрудничества внутри ЕАЭС. Например, по данным Евразийской комиссии за 2010–2019 гг., взаимный товарооборот Беларуси, Казахстана и России увеличился с 2,6 до 3,1% ВВП этих стран, тогда как совокупный товарооборот данных стран вырос с 40,5 до 43,3% их ВВП. Объяснялось это тем, что за облегчением условий торговли и унификацией законодательства не последовали действия по развитию производственной кооперации, финансированию крупных инфраструктурных проектов, развитию научно-технического сотрудничества [Широв, 2016].

Особенностью ЕАЭС является экономическое доминирование России в составе интеграционного объединения. На ее долю приходится свыше 85% совокупного ВВП союза. В этих условиях стагнация темпов роста российской экономики не могла не ска-

заться и на динамике развития интеграционных связей.

Анализ текущего уровня кооперационных связей среди стран ЕАЭС показывает их крайне низкий уровень. Наиболее значимым образом экономики реагируют, что естественно, на рост конечного спроса в России. Относительно значимые эффекты существуют во взаимоотношениях Казахстана и Беларуси, а также Казахстана и Киргизии (табл. 2). Расчеты проводились при помощи леонтьевской статической модели межотраслевого баланса:

$$X = (E - A)^{-1} \cdot Y, \quad (1)$$

где X – вектор валового выпуска; E – единичная матрица; A – матрица коэффициентов прямых затрат; Y – вектор конечного спроса [Саяпова, Широв, 2019].

Модель интеграционного объединения представляет собой разновидность симметричной таблицы типа «затраты – выпуск», которая содержит данные по видам деятельности о промежуточном потреблении и конечном спросе в разрезе стран ЕАЭС. Таким образом появляется возможность оценить, насколько, при прочих равных условиях, изменятся показатели выпуска во всех странах союза при изменении по-

Таблица 2. Рост валового выпуска по странам ЕАЭС (строка) в результате увеличения конечного спроса в каждой из стран на 10% (столбец), в %

Table 2. The growth of gross output in the EAEU countries (in rows) as a result of increase in final demand in each of the countries by 10% (in columns), %

	Армения	Беларусь	Казахстан	Киргизия	Россия
Армения	9,9182	0,0028	0,0002	0,0001	0,0047
Беларусь	0,0013	9,2628	0,0052	0,0030	0,0746
Казахстан	0,0016	0,0241	9,7174	0,1205	0,0464
Киргизия	0,0005	0,0025	0,0190	9,7095	0,0056
Россия	0,0784	0,7079	0,2582	0,1669	9,8687

Источник: ЕЭК-интегрированные таблицы «затраты–выпуск» стран ЕАЭС. Подробнее о методологии расчета мультипликаторов конечного спроса см. в: [Саяпова, Широв, 2019].

казателей конечного спроса (в целом или в отдельном виде деятельности) в одной из них. В данной работе мы остановились только на обобщающих показателях производственной связанности между экономиками стран – участниц ЕАЭС, хотя понятно, что имеющийся инструментарий позволяет это делать и на менее агрегированном уровне.

Анклавный статус Армении в ЕАЭС, по-видимому, является причиной того, что эта страна имеет минимальный уровень связанности с другими странами союза. Сколь-нибудь значимый отклик в экономике Армении происходит только на увеличение конечного спроса в российской экономике.

Так как страны ЕАЭС достаточно сильно различаются по масштабу экономики, то более наглядно уровень кооперационных связей может быть выражен в стоимостном изменении выпуска (табл. 3).

Например, рост выпуска в экономике Беларуси в результате роста конечного спроса в России на 10% будет эквивалентен 1,1% ВВП этой страны, для Казахстана это будет 0,4% и для Киргизии 0,3%.

В свою очередь при увеличении конечного спроса в Казахстане на 10%

можно ожидать роста выпуска в Киргизии на величину, эквивалентную 0,2% ВВП этой страны, а в России на 0,1%.

Рост конечного спроса в Беларуси формирует дополнительный объем спроса в России, эквивалентный 0,1% ВВП.

Приведенные цифры еще раз демонстрируют фрагментированность производственных связей на пространстве ЕАЭС. Понятно, что в таких условиях трудно рассчитывать на значимые эффекты сотрудничества. Более того, отсутствие значимой положительной связи между динамикой экономик – лидеров интеграционного объединения и стран с более низким уровнем экономического развития осложняет решение задачи сближения параметров эффективности экономик союза.

Наряду с объективными причинами достаточно низкий эффект от взаимодействий в производственной сфере определяется текущей моделью интеграции, которая в значительной степени повторяет опыт ЕС, в котором лидирующими направлениями являются расширение союза и развитие его институтов.

Что касается расширения евразийской интеграции, то в обозримой пер-

Таблица 3. Рост выпуска по странам ЕАЭС (строка) в результате увеличения спроса в странах на 10%, в млн долл. США

Table 3. The growth of output in the EAEU countries (in rows) as a result of increase in demand in the countries by 10%, USD million

	Армения	Беларусь	Казахстан	Киргизия	Россия
Армения	1 475,7	2,5	0,5	0,02	102,2
Беларусь	0,2	7 675,5	10,9	0,3	1 707,0
Казахстан	0,2	21,3	19 467,8	15,8	1 059,2
Киргизия	0,1	2,2	36,1	1 005,7	126,7
Россия	11,7	615,9	535,9	21,9	21 970,1

Источник: ЕЭК-интегрированные таблицы «затраты–выпуск» стран ЕАЭС.

спективе можно говорить о развитии отношений ЕАЭС с Узбекистаном. С учетом масштаба экономики этой страны развитие отношений с ЕАЭС может стать источником существенных положительных эффектов. Однако дальнейшее расширение рынка ЕАЭС за счет включения новых участников вряд ли будет способствовать наращиванию эффектов от интеграции.

Развитие нормативной базы и институтов ЕАЭС, в том числе наднациональных, как показала практика, также не дает ощутимого наращивания макроэкономических эффектов. Единые стандарты ведения бизнеса нужны, но их эффективность становится ощутимой лишь тогда, когда они поддерживают и развивают процессы интеграции в сфере производства, развития кооперационной деятельности, межстрановых инвестиционных и торговых процессов.

Развитию производственной и хозяйственной деятельности должно быть посвящено основное внимание при выстраивании интеграционной политики России. Уникальность ЕАЭС состоит в том, что наше интеграционное объединение находится между ЕС и Китаем. Следовательно, имеет возможность выстраивания производственных цепочек с использованием своего географического положения и иных конкурентных преимуществ. В условиях регионализации мировой экономики для такой деятельности появляется очевидное «окно» возможностей.

Необходимым условием эффективного развития ЕАЭС должно стать выравнивание уровня эффективности производства на пространстве союза. Этому должна способствовать единая политика стимулирования рыночными методами эффективного размещения производств и создания рабочих мест в таких странах, как Армения и Киргизия. Эти рабочие места должны формироваться на производствах, встро-

енных в общее производственное пространство ЕАЭС, обеспечивающее снижение зависимости стран от внешнего импорта и расширяющее экспортные возможности.

В свою очередь решению этой задачи способствовала бы политика России, направленная на создание крупных финансово-промышленных корпораций, способных на рыночных принципах финансировать инвестиционную деятельность на всем пространстве ЕАЭС, реализовывать производственный потенциал стран ЕАЭС на основе внедрения современных технологий и развития новых секторов экономики. Аналогичные корпорации на основе имеющегося промышленного потенциала могут создавать Беларусь и Казахстан.

Необходимым условием развития производственной кооперации и роста доходов стран на ее основе является расширение научно-технического сотрудничества [Глазьев и др., 2019]. Текущие уровни затрат на исследования и разработки в странах ЕАЭС и механизмы внедрения их результатов делают наши страны крайне зависимыми от внешних технологических решений, что существенно снижает потенциал роста доходов от любой производственной деятельности и консервирует зависимость от импорта. Поэтому еще одним условием эффективного развития интеграции должна стать единая система управления научно-технологическим развитием.

Заключение

Развитие российской экономики в ближайшие годы будет формироваться под воздействием ограничений, связанных с исчерпанием потенциала активного позитивного воздействия на российскую экономику со стороны внешней торговли. С одной стороны,

это связано с исчерпанием возможностей наращивания доходов от сырьевого экспорта, с другой стороны, с высокой зависимостью российской экономики от самой широкой номенклатуры импорта.

В этих обстоятельствах ускорение темпов экономического роста в ближайшие годы будет, с высокой вероятностью, опираться на возможности внутреннего рынка. Однако это не означает, что в этот период нашей стране не нужна внятная внешнеэкономическая стратегия. Наоборот, в условиях изменений в мировой экономической динамике роль политики в отношении развития внешней торговли будет возрастать. Потребуется принять во внимание нарастающие ограничения в мировой торговле, рост значимости мировой климатической повестки, тенденции структурно-технологических сдвигов глобального характера.

В целом в ближайшие 10 лет российский экспорт, прежде всего сырьевой, будет формировать базу для развития экономики, поэтому большое внимание должно быть уделено действиям по развитию экспортного потенциала.

Модернизация экономики на основе роста уровня инвестиционной активности должна создать возможности для роста производства конкурентоспособной отечественной продукции, способной снизить зависимость от импорта, но и увеличить потенциал экспортных поставок. Это должно в период после 2030 г. стать основой для нового цикла повышения значимости внешней торговли при формировании экономической динамики.

Список литературы

Апокин А., Белоусов Д.Р., Сальников В.А., Фролов И.Э. (2015). Долгосрочные социально-экономические вы-

зовы для России и востребованность новых технологий // Форсайт. Т. 9. № 4. С. 6–17 // <https://foresight-journal.hse.ru/data/2015/12/16/1134384838/1-%D0%91%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D1%83%D1%81%D0%BE%D0%B2-6-17.pdf>, дата обращения 12.04.2021.

Глазьев С.Ю., Архипова В.В., Агеев А.И., Ершов М.В., Митяев Д.А., Нагорный А.А., Вэнь В., Цинцин Я., Росс Д., Чжаоюй Г., Тинтин Ч. (2019). Вопросы и состояния процессов сопряжения Евразийского экономического союза и инициативы «Один пояс – один путь» в представлениях Китая и России // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. № 3. С. 13–30 // <https://www.eijournal.ru/jour/article/view/231/216>, дата обращения 12.04.2021.

Гурвич Е.Т., Прилепский И.В. (2016). Влияние финансовых санкций на российскую экономику // Вопросы экономики. № 1. С. 5–35. DOI: 10.32609/0042-8736-2016-1-5-35

Гусев М.С., Широков А.А., Ползиков Д.А., Янтовский А.А. (2018). Глобальные тенденции изменения структуры производства и доходов в мире и России // Проблемы прогнозирования. № 6. С. 38–50 // <https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2019/04/globalnye-tendentsii-izmeneniya-struktury-proizvodstva-i-dohodov-v-mire-i-rossii.pdf>, дата обращения 12.04.2021.

Орлова Е.А., Белоусов Д.Р., Галимов Д.И. (2020). О модели потенциального ВВП и разрыва выпуска для российской экономики // Проблемы прогнозирования. № 2. С. 60–71 // <https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2020/04/o-modeli-potentsialnogo-vvp-i-razryva-vypuska.pdf>, дата обращения 12.04.2021.

Порфирьев Б. (2019). Эффективная стратегия действий в отношении изменений климата и их последствий для экономики России // Проблемы прогнозирования. № 3. С. 3–16 // <https://>

cyberleninka.ru/article/n/effektivnaya-strategiya-deystviy-v-otnoshenii-izmeneniy-klimata-i-ih-posledstviy-dlya-ekonomiki-rossii/viewer, дата обращения 12.04.2021.

Порфирьев Б., Широв А., Колпаков А. (2020). Климат для людей, а не люди для климата // Эксперт. № 31–34 // <https://expert.ru/expert/2020/31/klimat-dlya-lyudej-a-ne-lyudi-dlya-klimata/>, дата обращения 12.04.2021.

Саяпова А.Р., Широв А.А. (2019). Основы метода «затраты–выпуск»: учебник для вузов. М.: МАКС Пресс.

Широв А.А. (2016). О выборе дальнейшей модели интеграции для Евразийского экономического союза // ЭКО. № 12(510). С. 66–79 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_27340588_57864358.pdf, дата обращения 12.04.2021.

Широв А.А. (ред.) (2020). Посткризисное восстановление экономики и основные направления прогноза социально-экономического развития России на период до 2035 г.: научный доклад. М.: Наука.

BP Energy Outlook: 2020 Edition (2020) // <https://www.bp.com/content/>

dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/energy-outlook/bp-energy-outlook-2020.pdf, дата обращения 12.04.2021.

Constantinescu C., Mattoo A., Ruta M. (2015). The Global Trade Slowdown: Cyclical or Structural? // IMF Working Paper, no 15/6 // <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2015/wp1506.pdf>, дата обращения 12.04.2021.

Kose M.A., Nagle P., Ohnsoorge F., Sugawara N. (2020). Global Waves of Debt. Causes and Consequences, Washington, DC: The World Bank.

The Effect of Imports of Steel on the National Security (2018) // US Department of Commerce, Bureau of Industry and Security, Office of Technology Evaluation, January 11, 2018 // https://www.commerce.gov/sites/default/files/the_effect_of_imports_of_steel_on_the_national_security_-_with_redactions_-_20180111.pdf, дата обращения 12.04.2021.

The Long View: Scenarios for the World Economy to 2060 (2018) // OECD. Economic Policy Papers, July 2018, no 22 // https://www.oecd-ilibrary.org/economics/the-long-view_b4f4e03e-en, дата обращения 12.04.2021.

From the Point of Economics

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-3

Requirements for Foreign Economic Relations in the Context of Achieving the Development Goals of the Russian Economy

Alexandr A. SHIROV

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc in Economics, Director

Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, 117418, Nakhimovskij Av., 47, Moscow, Russian Federation

E-mail: schir@ecfor.ru

OCRID 0000-0003-0806-9777

Mikhail S. GUSEV

PhD in Economics, Head of the Laboratory

Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, 117418, Nakhimovskij Av., 47, Moscow, Russian Federation

E-mail: m.gusef@mail.ru

OCRID 0000-0002-8858-2206

CITATION: Shirov A.A., Gusev M.S. (2021). Requirements for Foreign Economic Relations in the Context of Achieving the Development Goals of the Russian Economy. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 3, pp. 44–62 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-3

Received: 09.03.2021.

ABSTRACT. *The article analyzes the current state of Russian foreign trade and its impact on the development of the economy. The main changes that occurred in the global economy during the crisis caused by the new coronavirus pandemic are considered. It is concluded that most of the trends that formed in the global economy before the crisis are likely to receive additional acceleration after its end. In this regard, additional restrictions may be imposed on traditional Russian exports. It is stated that foreign trade should become one of the*

key factors that ensure the stability of the Russian economy in the medium and long term. The requirements for the balance of payments and the exchange rate that ensure the stability of the macroeconomic dynamics and parameters of foreign trade are determined. Given the current trends in the parameters of the world economy and trade, it should be assumed that the structure of Russian exports will not undergo significant changes over the next 15 years. This means that for the next 15 years, the development of the export potential of the

fuel and energy sector, the diversification of the geography of energy supplies, remains one of the key tasks of the foreign economic strategy. The key restrictions of the integration processes in the Eurasian Economic Union (EAEU) are evaluated.

KEYWORDS: foreign trade, economic growth, ruble exchange rate, balance of payments, EAEU.

References

- Apokin A., Belousov D., Salnikov V., Frolov I. (2015). Long-term Socioeconomic Challenges for Russia and Demand for New Technology. *Foresight and STI Governance*, vol. 9, no 4, pp. 6–17. Available at: <https://foresight-journal.hse.ru/data/2015/12/16/1134384838/1-%D0%91%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D1%83%D1%81%D0%BE%D0%B2-6-17.pdf>, accessed 12.04.2021 (in Russian).
- BP Energy Outlook: 2020 Edition (2020). Available at: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/energy-outlook/bp-energy-outlook-2020.pdf>, accessed 12.04.2021.
- Constantinescu C., Mattoo A., Ruta M. (2015). The Global Trade Slowdown: Cyclical or Structural? *IMF Working Paper*, no 15/6. Available at: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2015/wp1506.pdf>, accessed 12.04.2021.
- Glaziev S.Yu., Arkhipova V.V., Ageev A.I., Ershov M.V., Mitjajev D.A., Nagorny A.A., Wen W., Qingqing Y., Ross J., Zhaoyu G., Tingting Z. (2019). Questions and Situations on the Conjugation of the Eurasian Economic Union and the “Belt and Road” Initiative between China and Russia. *EURASIAN INTEGRATION: Economics, Law, Politics*, no 3, pp. 13–30. Available at: <https://www.ei-journal.ru/jour/article/view/231/216>, accessed 12.04.2021 (in Russian).
- Gurvich E., Prilepskiy I. (2016). The Impact of Financial Sanctions on the Russian Economy. *Voprosy ekonomiki*, no 1, pp.5–35 (in Russian). DOI: 10.32609/0042-8736-2016-1-5-35
- Gusev M., Shirov A., Polzikov D., Yantovskiy A. (2018). Global Trends of Restructuring Production and Income Worldwide and in Russia. *Studies on Russian Economic Development*, vol. 29, pp. 607–616 (in Russian). DOI: 10.1134/S1075700718060035
- Kose M.A., Nagle P., Ohnsoorge F., Sugawara N. (2020). *Global Waves of Debt. Causes and Consequences*, Washington, DC: The World Bank.
- Orlova E.A., Belousov D.R., Galimov D.I. (2020). A Model of Potential GDP and Output Gap for the Russian Economy. *Studies on Russian Economic Development*, vol. 31, pp. 171–180 (in Russian). DOI: 10.1134/S1075700720020070
- Porfiriev B. (2019). Effective Action Strategy to Cope with Climate Change and Its Impact on Russia's Economy. *Studies on Russian Economic Development*, vol. 30, no 3, pp. 235–244 (in Russian). DOI: 10.1134/S1075700719030134
- Porfiriev B., Shirov A., Kolpakov A. (2020). Climate for People, not People for Climate. *Expert*, no 31–34. Available at: <https://expert.ru/expert/2020/31/klimat-dlya-lyudej-a-ne-lyudi-dlya-klimata/>, accessed 12.04.2021 (in Russian).
- Sayapova A.R., Shirov A.A. (2019). *Basics of the “Input-Output” Method: Textbook for Universities*, Moscow: MAKSPress (in Russian).
- Shirov A.A. (2016). On the Choice of a Further Integration Model for the Eurasian Economic Union. *ECO*, no 12(510), pp. 66–79. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_27340588_57864358.pdf, accessed 12.04.2021 (in Russian).
- Shirov A.A. (ed.) (2020). *Post-crisis Economic Recovery and the Main Directions of the Socio-economic Develop-*

ment Forecast of Russia for the Period up to 2035: Scientific Report, Moscow: Nauka (in Russian).

The Effect of Imports of Steel on the National Security (2018). *US Department of Commerce, Bureau of Industry and Security, Office of Technology Evaluation*, January 11, 2018. Available at: https://www.commerce.gov/sites/default/files/the_effect_of_imports_of_

[steel_on_the_national_security_-_with_redactions_-_20180111.pdf](#), accessed 12.04.2021.

The Long View: Scenarios for the World Economy to 2060 (2018). OECD. *Economic Policy Papers*, July 2018, no 22. Available at: https://www.oecd-ilibrary.org/economics/the-long-view_b4f4e03e-en, accessed 12.04.2021.